

К БИОГРАФИИ МАКСА ФАСМЕРА: ТАРТУСКИЙ ПЕРИОД (1918–1921)¹

Марина А. Бобрик
(Берлин)

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Ровно сто лет назад, в 1925 году, Макс Фасмер стал ординариусом Берлинского университета им. Фридриха Вильгельма. Когда после Второй мировой войны город разделился на Восточный и Западный, и Фасмер был поставлен перед выбором, он оставил основанный им славянский институт и в 1949 г. принял приглашение вновь созданного в Западном Берлине Свободного университета (*Freie Universität Berlin*), где стал первым ординарным профессором славянской филологии². Для понимания мотивов этого определяющего выбора, вообще фасмеровской личной этики важно обратиться к более раннему времени, к концу 1917 г., когда Фасмер оставил петербургский дом и Саратовский университет и принял решение в пользу Дерпта³.

В разного рода и объема очерках жизни Фасмера (монографической биографии не существует) сведения о первом послереволюционном времени скучны и смутны. В сентябре 1917 г., когда накануне октябрьских событий был сформирован историко-филологический факультет Саратовского университета, Фасмер вошел в первый его преподавательский состав в качестве профессора сравнительного языкознания.

¹ Статья написана при поддержке Австрийского научного фонда (FWF) в рамках проекта “Slavic Studies in Exchange: Austria and Russia in 1849–1939” (I 5309-G).

² См.: Бобрик 2012: 121–138, особ. 134; лит.

³ Ср. суждение Валентина Кипарского: „Nach dem Zusammenbruch Europas 1945 stand Vasmer wieder sozusagen am Anfang aller Dinge da, genau wie nach der Bolschewististenrevolution von 1917 [После европейской катастрофы 1945 года Фасмер вновь все должен был начать с нуля, так же как после большевистской революции 1917 года; здесь и далее перевод мой. – М. Б.]“ (Kiparsky 1963: 18).

Не вполне ясным остается промежуток между Саратовом и Дерптом, то есть тот период, когда, собственно, было принято решение двинуться прочь из России и каким-то образом выявились возможность работы в Дерптском университете. Некоторые сведения об этом периоде сообщает М. Вольтнер:

Nach der russischen Revolution beschloss Vasmer während eines Aufenthaltes in Finnland, nicht nach Saratov zurückzukehren, sondern nach Dorpat zu gehen (1917). Briefe, die er von dort aus an Erich Berneker richtete mit der Bitte, ihm wenigstens zu einem russischen Lektorat zu verhelfen, blieben unbeantwortet; die Aussicht auf eine Professur für Indogermanistik in Dorpat mit der Verpflichtung, in absehbarer Zeit in estnischer Sprache zu unterrichten, bewog Vasmer, sich in ländlicher Umgebung mit Hilfe des NT und einiger weniger estnischer Bücher auf Grund seiner finnischen Sprachkenntnisse ins Estnische einzuarbeiten. Es ist erstaunlich, in wie kurzer Zeit Vasmer es wagte, Vorträge in estnischer Sprache zu halten (Woltner 1963: 3).

[В 1917 г., после революции в России, Фасмер во время поездки в Финляндию принял решение не возвращаться больше в Саратов, а двинуться в Дерпт. Письма, написанные им из Финляндии Эриху Бернекеру⁴ с просьбой помочь получить хотя бы место преподавателя русского языка, остались без ответа. Перспектива дерптской профессуры по индоевропеистике с условием в скором времени начать преподавать на эстонском языке побудила Фасмера приступить к изучению этого языка, чем он занялся в деревне с помощью Нового Завета, немногих эстонских книжек и своих познаний в финском. Поразительно краткое время спустя Фасмер уже делал доклады на эстонском языке.]

Комментарием к этому сообщению может служить свидетельство самого Фасмера в чрезвычайно любопытной его статье 1921 г.

⁴ Эрих Бернекер (Erich Berneker; 1874–1937) – славист и балтист, в тот момент ординарный профессор Мюнхенского университета им. Людвига и Максимилиана.

о Дерптском университете в эстонский период (об этом тексте еще пойдет речь ниже), в которой, в частности, говорится:

Zwar erhielten einige Professoren schon im Dezember 1918 die Nachricht, dass sie bei Besetzung von Lehrstühlen in Aussicht genommen seien, aber die drohende Bolschewistengefahr ließ die estnische Regierung noch über ein halbes Jahr mit der Wiedereröffnung der Universität warten. Im Juli 1919 endlich fanden die ersten Berufungen statt (Vasmer 1921: 4).

[Некоторые профессора, правда, уже в декабре 1918 г. получили известие о том, что они значатся в кандидатах на кафедры, однако большевистская угроза заставила эстонское правительство отложить открытие университета еще на полгода. В июле 1919 г. были наконец произведены первые назначения.]

Не называя себя прямо, Фасмер пишет здесь и о себе. Упоминание декабря 1918 г. объясняет, почему Маргарете Вольтнер⁵ и Эрик Амбургер⁶ (без указания на источник) датировали начало профессуры в Дерпте 1918 г. (см.: Woltner 1963: 3; так впоследствии, например,

⁵ Маргарете Вольтнер (Margarete Woltner; 1897–1985) – близкая сотрудница и друг Фасмера; подробнее см.: Бобрик 2012: 117, примеч. 35.

⁶ Эрик Амбургер (Erik Amburger; 1907–2001) – историк России, создатель ценнейшей базы данных об иностранцах в Российской империи. Пунктир пересечений и совпадений с Фасмером примечателен: родился в Петербурге, в 1918 г. с частью семьи уехал; путь в Германию лежал через Эстонию (1918–1920); в 1933 г. защитил в Берлине диссертацию «Россия и Швеция в 1762–1772 гг.» („Rußland und Schweden 1762–1772“); в 1953 г. уволен из Академии наук ГДР за отказ переселиться в Восточный Берлин. В сборнике к 100-летию Фасмера Э. Амбургер вспоминает, как вскоре после конца Второй мировой войны ему привелось беседовать с Фасмером о языке петербургских немцев, образчики которого Фасмер собирали многие годы (материалы предполагавшегося словаря до сих пор не обнаружены): „Trotz eines Altersunterschiedes von über 20 Jahren zwischen uns erinnerten wir uns an dieselben Erscheinungen in der Sprache der Petersburger Deutschen, wobei es keine Bedeutung hatte, dass meine väterliche Familie seit 150 Jahren in der Stadt lebte, während Vasmers Vater erst eingewandert war – und selbst nie die russische Sprache erlernt hatte [Несмотря на разницу в возрасте более чем в 20 лет, мы вспоминали одни и те же явления языка петербургских немцев, и не имело никакого значения то обстоятельство, что к тому времени, когда мои родственники по отцу жили в Петербурге уже полтора столетия, отец Фасмера только приехал и русским языком так и не овладел]“ (Amburger 1986: 16).

в: Karttunen 1995: 72; Благово 2006: 630; Warditz 2020–2021: с. п.; Кюльмоя 2024: 127) или даже прямо декабрем 1918 г. (см.: Amburger [s. d.]). В том же 1918 г., согласно документам Фасмера в архиве Берлинского университета, он получил немецкое (прусское) гражданство („als preußischer Staatsbürger“. – Bott 1999: 154). Упомянутая в приведенной цитате дата первых назначений, июль 1919 г., находит подтверждение в тартуских документах Фасмера (см. ниже).

Представление о дерптском (тартуском) этапе жизни Фасмера расширяют документы его личного дела в тартуском отделении Национального архива (*Rahvusarhiiv*), охватывающие период с июля 1918 до конца 1921 г.: личное дело Фасмера 1918–1921 гг. (ЕАА.2100.2.1313) и отдельно бумаги 1920–1921 гг. (ЕАА.2100.2б.98).

Особый интерес представляют самые ранние документы фонда, относящиеся собственно к моменту движения Фасмера в Дерпт; это два письма, помеченные началом июля 1918 г. и адресованные ректору университета: одно собственно от Фасмера (ЕАА.2100.2.1313, f. 28–29г), а другое, рекомендательное, от Бодуэна де Куртенэ (f. 26–27г). Без этих связанных друг с другом документов содержание биографического штриха между Саратовом и Дерптом неясно. В *Приложении* они публикуются вместе: письмо Фасмера впервые, а письмо Бодуэна заново выверено по сравнению с первой публикацией (см.: Кюльмоя 2024: 125–132)⁷.

Знакомством с этими документами я обязана Карлу Аймермакеру. В период своих занятий той эпохой жизни Фасмера, когда он восстанавливал погибшие при бомбардировке материалы русского этимологического словаря, мне посчастливилось говорить и

⁷ В первопубликацию письма, к сожалению, вкрались неточности в наборном воспроизведении немецкого текста (*Sprachwissenschaftler* вм. *Sprachforscher; Philolog* в тогдашнем языке нормативная форма, так что исправление в сноске на *Philologe* неоправданно, с. 127) и в переводе (был *ий ординарный профессор <...> в Саратове* вм. ‘в настоящее время ординарный профессор <...> в Саратове’, *der bisherige ordentlicher Professor <...> in Saratow*, с. 128; *г-н Фасмер по происхождению немец, который родился в Петербурге* вм. ‘…лишь по случайности родился в Петербурге’, *...nur zufällig in Petersburg geboren*, с. 129), языка которого в целом неоправданно модернизирован (ср., например, *связался с* вм. ‘обратился с соответствующим прошением к’, *mit einem diesbezüglichen Gesuche hat er sich an <...> gesandt*, с. 128).

переписываться с теми, кто застал Фасмера и у него учился. У Карла Аймермакера я нашла тогда живейший отклик своему интересу; в одну из встреч он поделился со мной хранившимися у него копиями двух писем 1918 г., увы, без выходных данных. За точную архивную справку о местонахождении обоих документов я благодарна Татьяне Шаховской, к которой меня направил неизменно щедрый на помощь Габриэль Суперфин. Предваряя публикацию, необходимо кратко сказать о содержании писем и об их контексте.

*

Прежде всего нужно сказать о том, в какой момент истории Дерптского университета туда стремится и попадает Фасмер. В феврале 1918 г., в день провозглашения независимой Эстонской Республики, в Дерпт вошла Восьмая немецкая армия. Российское государственное управление в балтийских землях было упразднено, новое эстонское еще не вполне установилось, и управление Дерптским университетом было временно передано командованию немецкой армии (о культурно-историческом фоне см.: Selart, Laur 2023: 141–154). Начался краткий (15 сентября – 1 декабря 1918 г.), но примечательный период немецкого *Landesuniversität* (см.: История ТУ 1982: 166–167; Donnert 2007: 199–208; Goeze, Wörster 2008: s. p; Järvvelaid 2018: 85–87).

Согласно временному статуту, университет являлся земельным университетом трех балтийских провинций („*Landesuniversität der drei baltischen Provinzen*“, § 2) и включал в себя пять факультетов, среди них историко-филологический (§ 4). Языком преподавания и официального делопроизводства становился немецкий (§ 3)⁸. Университет подчинялся штабу армии; управление осуществлялось администрацией университета, подчиненной армейскому командованию (§ 5). Извлечение из статута – названные пять параграфов – было напечатано в программе занятий на осенний семестр 1918 г. На первом месте стоял параграф, в котором – в духе

⁸ Отчетливую картину языков преподавания в разные периоды истории университета см.: Järvvelaid 2018: 81.

гумбольдтианской традиции академической свободы – сформулирована идея университета:

Der Universität liegt die unparteiliche Pflege der Wissenschaft ob (§ 1) (Vorlesungsverzeichnis 1918: 16).

[Университету надлежит заниматься наукой вне борьбы каких-либо группировок.]

Занятия в Дерпте должны были начаться в сентябре, хотя, как сообщала *Revaler Zeitung* ('Ревельская газета') со ссылкой на *Baltische Zeitung*, начало полноценной работы университета было отложено до конца года⁹. К началу семестра преподавательский состав должен был быть полным. В условиях войны и неустройства сотрудников набирали на основании временных договоров. За недостающими преподавательскими силами командование Восьмой армии обратилось к министерству просвещения Пруссии, и более тридцати профессоров приехало из различных земель Германии, так что доля высококвалифицированной профессуры в преподавательском составе университета оказалась небывало высокой – 60 из 68 (см.: История ТУ 1982: 167; групповую фотографию преподавателей см.: Järvelaid 2018: 86). Студентов записалось много (1004), состав их был многонациональным (429 немцев, 246 евреев, 165 эстонцев, 133 латыша, другие; см.: История ТУ 1982: 167). Ректором стал балтийский немец, медик Карл Дейо¹⁰; ему адресованы оба публикуемых письма.

*

Осенний семестр 1918 г., получивший в немецкой историографии университета название немецкого („deutsches Semester“), начался 15 сентября торжественным актом открытия университета (см.: История ТУ 1982: 167). Письмо Фасмера ректору послано из Петербурга

⁹ См.: Von der Landesuniversität. – *Revaler Zeitung*. 1918. № 96. 8. Juli. S. 1.

¹⁰ Карл Дейо (русифиц. Дегио; Karl Dehio; 1851–1927) занимал в университете с 1886 г. кафедру патологии и клинической медицины; возглавлял университетскую поликлинику.

и помечено 5 июля; времени на решение и переезд было мало, тон письма тревожный. Фасмер просит ректора о месте приват-доцента¹¹, о поддержке в получении немецкого подданства и – в случае необходимости – о помощи ему и жене в одноразовом выезде из Петербурга (в Саратов для увольнения) и затем из Саратова (в Дерпт) с немецким транспортом. Из письма следует, что хлопоты о восстановлении немецкого гражданства Фасмер начал весной 1918 г.¹² и тогда же впервые обратился в Дерптский университет, написав прошение декану философского факультета. Письмо, по-видимому, пропало – факт неудивительный при тогдашнем состоянии почтового сообщения¹³. Не получив ответа, Фасмер решил обратиться к ректору университета. К новому своему прошению он приложил рекомендательное письмо своего учителя и друга Яна Бодуэна де Куртенэ¹⁴.

Фасмера и Бодуэна связывали не только отношения научной преемственности – более глубокой, чем принято думать, – но и

¹¹ В немецком академическом обиходе должность, которая подразумевает, что ученик, не имеющий должности профессора, хотя и обладающий достаточной научной степенью (Dr. habil.), получает право преподавания (*venia legendi*).

¹² Получив, как упоминалось, в 1918 г. немецкое гражданство, Фасмер еще и в 1920 г. будет формально оставаться гражданином России, что следует из его написанного по-русски заявления в «Правление Дерптского университета» от 6 марта 1920 г. Намереваясь летом «поработать в библиотеках Берлина над своей работой об иранских местных названиях в Южной России (Iranische Ortsnamen in Südrussland)», он просит Правление позаботиться о предоставлении ему самому и его жене Эльзе Фасмер «германской валюты и заграничного паспорта», «так как иначе, – пишет он, – мне как формально еще состоящему в русском подданстве могли бы быть причинены затруднения иностранными властями» (ЕАА.2100.2.1313, f. 19, рус., ркп.). Орфографию оригинала (ѣ, і, Ѣ) здесь не воспроизвожу.

¹³ Регулярное почтовое сообщение для гражданского населения Дерпта было открыто 1 мая 1918 г.; до этого момента действовала полевая немецкая почта (см.: <https://arge-baltikum.de/estonia-30-de.shtml>).

¹⁴ С содержанием писем был, по-видимому, в какой-то мере знаком автор работы: Solomonov 2015–2017, где без указания на источник и с некоторыми неточностями говорится о том, что еще в 1918 г. Фасмер «предлагал свои услуги в качестве приват-доцента Сельскохозяйственному университету Тарту» („an der Landwirtschaftlichen Universität Tartu“, искаж. Landesuniversität, букв. ‘Земельный университет’ в территориально-административном смысле) и что в 1919 г. он по рекомендации Бодуэна де Куртенэ и Микколы (ср. письмо Бодуэна) был приглашен в Тартуский университет на место профессора сравнительного языкознания.

многолетние отношения человеческой приязни и доверия, нисколько не поколебленные разводом Фасмера с дочерью Бодуэна Чезарией¹⁵ (1913):

Ich muss es als eine gute Schicksalsfügung bezeichnen, dass ich diesen eigenartigen Sprachforscher und liebenswerten Menschen, der als echter Europäer um die Erhaltung der europäischen Kultur bangte, als andere die Gefahr noch nicht sahen, als Universitätslehrer und Freund genau kennenlernen durfte.

[Должен назвать подарком судьбы то стечание обстоятельств, благодаря которому мне посчастливилось близко узнать как университетского учителя и как друга этого своеобразного языковеда и достойного любви человека, который как истинный европеец заботился о сохранении европейской культуры тогда, когда другие еще не видели, какая опасность ей грозит.]

– писал Фасмер к 100-летию Бодуэна (Vasmer 1947: 76). По словам М. Вольтнер,

In Baudouin fand er <...> einen verständnisvollen, sehr anregenden Lehrer, einen väterlichen Freund, dessen Weite des wissenschaftlichen Horizonts und dessen Unerschrockenheit im Kampf um eigene politische Überzeugungen für Vasmer und durch Vasmer für so manchen seiner Schüler zum Leitbild eines wahren Gelehrten wurden (Woltner 1963: 1).

[В Бодуэне он <...> нашел понимающего, пробуждающего мысль учителя, старшего друга, чья широта научного горизонта и неустрашимость в борьбе за свои политические убеждения стали для самого Фасмера и через его посредство для ряда его учеников образцовыми качествами истинного ученого.]

Просьба о поддержке и рекомендации в экзистенциально трудный момент не могла не опираться на глубокое доверие и этическое

¹⁵ Чезария Анна Бодуэн де Куртенэ (Cezaria Anna Baudouin de Courtenay; 1885–1967) – антрополог, этнограф, этнолог.

единомыслие. Фасмер знал Бодуэна как свободного человека, неизменно следующего «главной своей заповеди – всегда вступаться за слабого» („seinem Grundsatz, sich überall für die Schwachen dieser Welt einzusetzen“. – Vasmer 1932: 338). В свою очередь, в своем рекомендательном письме Бодуэн, охарактеризовав Фасмера как выдающегося лингвиста и филолога, яркого и компетентного преподавателя, замечательным образом квалифицирует его взгляды:

Он прежде всего свободен от шовинизма и выше всякой политической склоки (л. 26 об.)¹⁶.

В 1918 г. и учитель и ученик в движении из России туда, где они надеются найти лучшие условия для научной деятельности. Каждый из них едет в ту академическую среду, которую считает для себя более естественной. О Фасмере Бодуэн пишет:

Господин Фасмер немец по происхождению и лишь по случайности родился в Петербурге. <...> В России открытое высказывание своих взглядов доставило ему немало неприятностей, поэтому он хотел бы работать в немецкой научной среде, тем более что в ближайшем будущем надеяться на здоровую научную жизнь в России едва ли приходится (л. 26 об.).

Сам Бодуэн через пару недель, в том же июле 1918 г., двинется с семьей в только что обретшую независимость Польшу, в город, где родился, – Варшаву. В письме в ректорат Петроградского университета (в котором Бодуэн формально экстраординарный профессор) он просил отпуска и разрешения читать лекции в Варшавском университете; постоянных профессорских мест там в это время нет, но возможно преподавание на гонорарной основе (см.: Mugdan 1984: 38).

Точно так же, как Фасмер стремился в переставший быть Юрьевским университет в Дерпте, где в период Российской администрации ему отказывали в месте из-за тесных научных связей с польскими

¹⁶ Публикуемые письма Фасмера и Бодуэна в статье цитирую в переводе; немецкие оригиналы, как и полный перевод, см. в *Приложении*; ср.: Кульмоя 2024: 129.

учеными¹⁷, семидесятичетырехлетний Бодуэн ехал во вновь основанный Варшавский университет, где в свое время ему как поляку было отказано в месте¹⁸ и где ему предстояло – вновь преодолевая трудности и нападки, теперь со стороны тех, кто считал его «дурным поляком», – проработать последнее десятилетие жизни. В некрологе Бодуэну Фасмер напишет:

Als Emeritus erlebte B. den Weltkrieg in Russland, und in dieser Zeit hatte er auch noch eine Gefängnisstrafe zu verbüßen, zu der er von der zaristischen Regierung wegen der Veröffentlichung einer Schrift verurteilt wurde, in der er mit bewundernswerter Hellseherei dem russischen Zarenreich den Untergang voraussagte, wenn dieses nicht den zahlreichen ihm unterworfenen Fremdvölkern weitgehende Selbstverwaltung bewilligen würde. Nach dem Kriege siedelte B. nach Warschau über, wo er fast bis zu seinem Tode seine Lehrtätigkeit fortgesetzt hat (Vasmer 1932: 338).

[Мировую войну Бодуэн, лишившись должности, пережил в России и в это время отбывал тюремное заключение, на которое был осужден царскими властями за опубликование текста, в котором он с поразительной проницательностью предсказал царской империи конец в случае, если многочисленным порабощенным ею

¹⁷ Позднее Фасмер напишет об этом в письме Казимежу Нитшу от 24 дек. 1937 г.: «Хотел бы напомнить, что мое прежнее сотрудничество в *Rocznik Slawistyczny* повредило моим отношениям с русскими, так что из-за этого меня не приглашали в Одессу, Дерпт или какой-либо иной российский университет. Не сожалею об этом, но упоминаю здесь лишь в качестве свидетельства тому, что никогда не принимал такие вещи во внимание» (польский оригинал цитируется в работе: Urbański 1986: 393).

¹⁸ В «Автобиографической записке» для словаря С. А. Венгерова Бодуэн об этом случае дискриминации написал, что «как поляк не мог получить места в варшавском русском университете, переделанном из польского в 1869 г.» (Венгеров 1897: 22–23) в полосу реакции после восстания 1863–1864 гг. В 1871 г. он по той же причине не получил места в киевском университете св. Владимира, несмотря на то что историко-филологический факультет единогласно избрал его доцентом по кафедре сравнительной грамматики индоевропейских языков (см.: Там же: 27). Наконец, когда краковский Ягеллонский университет пригласил его ординарным профессором на кафедру славянской филологии, он вынужден был отказаться, так как российское министерство не дало ему освобождения от обязанности отслужить полученную им двухгодичную стипендию в России (см.: Там же: 28).

народам не будет дано право на самоопределение¹⁹. После войны Бодуэн переселился в Варшаву, где он почти до самой смерти продолжал преподавание.]

В начале сентября, как пишет Фасмер ректору, он должен быть в Саратове, чтобы сложить с себя тамошние обязанности. В октябре он уже в Дерпте, но без места. Сообщая об этом в открытке Я. М. Розвадовскому²⁰ от 29 октября 1918 г., Фасмер подписывается бывшим профессором в Саратове („zuletzt prof. in Saratow“. – Urbańczyk 1986: 397). В самом деле, в списке пятнадцати преподавателей историко-филологического факультета, опубликованном в газетах (см.: Revaler Zeitung. 1918. № 144. 2. Sept. S. 2) и в программе занятий на осенний семестр (см.: Vorlesungsverzeichnis 1918: 4), Фасмера нет; профессор славистики в этом перечне – Леонард Мазинг (L. Masing)²¹, а индоевропеистики – индолог Л. Геллер (L. Heller).

С поражением немецкой армии в ноябре 1918 г. история немецкого Дерптского университета завершилась. В конце ноября немецкие военные власти передали управление университетом эстонскому Временному правительству, и 4 декабря ректор К. Дейо сдал дела и печати министру просвещения Пеэтеру Пыльду²², ставшему куратором университета (см.: История ТУ 1982: 167). В том же декабре, как упоминалось, некоторые ученые – в их числе, по-видимому, Фасмер – «получили известие о том, что они значатся в кандидатах на кафедры» (Vasmer 1921: 4).

¹⁹ Имеется в виду сочинение «Национальный и территориальный признак в автономии» (СПб., 1913, с. 83–84). Бодуэн был осужден на два года тюрьмы; срок заключения был затем сокращен, крепость заменена на заключение в «Крестах», однако Бодуэн потерял право преподавания; в качестве экстраординарного профессора его восстановили в должности после Февраля 1917 г. (см.: Mugdan 1984: 33–38).

²⁰ Ян Михал Розвадовский (Jan Michał Rozwadowski; 1867–1935) – индоевропеист, профессор Ягеллонского университета в Кракове.

²¹ Готхильф Леонард Мазинг (Gotthilf Leonhard Masing; 1845–1936) – славист и индоевропеист, до 1910 г. ординарный профессор Дерптского университета; в 1918 г. он на пенсии, но в этот момент согласился преподавать; его упоминает в своем письме Бодуэн де Куртенэ, см. *Приложение*.

²² Пеэтер Пыльд (Peeter Pöld; 1878–1930) – куратор (нем. Kurator, спр. рус. попечитель) Тартуского университета в 1919–1925 гг.

*

Все другие документы в тартуском личном деле Фасмера (ЕАА.2100.2.1313) относятся к следующему, «эстонскому» периоду истории университета.

В начале января Тарту был освобожден от Красной армии. 26 февраля 1919 г. Фасмеру и «сопровождающей его» жене Эльзе²³ был выдан временный (на год) вид на жительство в Эстонской Республике (f. 25, эст., бланк), а 21 июля тогдашний (май–ноябрь 1919 г.) министр просвещения Юхан Картау утвердил «предложенную университетской академической комиссией» кандидатуру Фасмера в должности профессора «индоевропеистики (сравнительного языкоznания)» (f. 1, эст., маш.).

Вступив в должность ординарного профессора, Фасмер получил отпуск до 1 октября, который он использовал для работы в библиотеках Берлина. В письме к новому министру просвещения и куратору университета Пеэтеру Пыльду, написанном по-немецки (f. 15–16, ркп.), Фасмер сообщает о своем твердом намерении оказаться в Дерпте около 20 сентября, чтобы «начать служить в новом, мне чрезвычайно любезном университете» („und mich dann in den Dienst der mir außerst sympathischen neuen Universität stellen zu können“). Он выражает надежду на то, что нисколько не пропустит занятий, так как, по сообщениям газет, семестр начнется позднее, чем предполагалось летом, и заверяет в своей обязательности. На случай, если понадобится узнать о точной дате возвращения Фасмера у его жены, он сообщает свой адрес в Дерпте: ул. Лосси, 14 (Lossi uulits 14).

На торжественной церемонии 1 декабря 1919 г. премьер-министр юрист Яан Тыниссон объявил об открытии Тартуского университета Эстонской Республики (Eesti Vabariigi Tartu Ülikool). Основным языком преподавания и делопроизводства стал эстонский, но в первом семестре большие половины лекций читалось на русском, около сорока процентов на эстонском и примерно пять с половиной процентов на немецком языке (см.: История ТУ 1982: 168).

²³ Эльза Фасмер (Else Vasmer), урожд. Нипп (Nipp; 1888–1960) – жена Фасмера с 1915 г.

Свои ретроспективные оценки решений как эстонской, так и предшествующей немецкой администрации университета в отношении культурной ориентации, в отношении языка в аудиториях и в канцелярии Фасмер отчетливо сформулировал в статье „Universität Dorpat unter estnischer Verwaltung“ («Дерптский университет под эстонским управлением»), которую он в 1921 г. опубликовал в вышедшем в Данциге на немецком языке журнале *Die Brücke* («Мост»). В статье содержится развернутое подтверждение той характеристики, которую дал Фасмеру в своем рекомендательном письме Бодуэн де Куртенэ («Он прежде всего свободен от шовинизма и выше всякой политической склоки»).

Фасмер безусловный противник русификации университета, которой он противопоставляет ориентацию на Западную Европу. С восхищением отзываясь о П. Пыльде как кураторе университета, Фасмер видит его достоинство в толерантности и заслугу в ориентации университета на Западную Европу:

Es zeigte sich sofort, welch ein Glück für den jungen estnischen Staat es war, dass ein in nationaler Hinsicht so toleranter und organisatorisch so befähigter Mann zum Kurator der Universität ernannt worden war, wie der Professor P. Pöld. Sein Verdienst ist es, dass die Universität von vornherein engsten Anschluss an Westeuropa suchte und nicht zu den russischen Traditionen der letzten Jahrzehnte zurückkehrte. Auswärtige Gelehrte wurden vor allem aus Deutschland, Finnland und Schweden berufen. Ein äußereres Zeichen der westlichen Orientierung war auch die Beseitigung der zur Russifizierungszeit errichteten orthodoxen Kapelle am Hauptgebäude der Universität. So hat die Universität nun wieder dasselbe Aussehen wie vor der Russifizierung (Vasmer 1921: 4).

[Сразу стало очевидным, сколь удачным для молодого эстонского государства было назначение куратором университета такого терпимого в национальном отношении и компетентного в организационных вопросах человека, как профессор П. Пыльд. Его заслугой явилось то, что университет с самого начала стремился установить тесный контакт с Западной Европой, а не возвращаться к традициям русского периода последних десятилетий. Иностранные

ученые были приглашены прежде всего из Германии, Финляндии и Швеции. Внешним знаком западной ориентации было и устранение из ансамбля главного здания возведенной в период русификации православной часовни. Теперь университет вновь выглядит так, как и до русификации.]

Фасмеру претит шовинизм определенных кругов балтонемецкой эмиграции, которые из ненависти к эстонцам воспрепятствовали приглашению в Тартуский университет некоторых немецких профессоров из Германии. В то же время он считает ошибкой эстонской администрации обязательность преподавания на эстонском для ученых ниже профессорской должности („Allerdings ist es bedauerlich, dass die venia legendi neuerdings nur Gelehrten erteilt wird, die estnisch vortragen können. Nur berufene Professoren haben das Recht in einer anderen Sprache zu dozieren“), в результате чего некоторые сведущие приват-доценты („einigen tüchtigen Privatdozenten“) медицинского факультета лишились права преподавания, полученного ими в русское время. Неприемлемо для Фасмера и лишение права преподавания по политическим мотивам – как в случае К. Дейо, того самого ректора университета при немцах, к которому обращены письма Фасмера и Бодуэна; кроме К. Дейо, в этой группе такие выдающиеся ученые („hervorragende Gelehrte“) времени «немецкого семестра», как медик В. Цеге фон Мантоффель (W. Zooge von Manteuffel) и теолог, историк церкви К. Грасс (K. Grass). Резюмируя, Фасмер пишет:

Vom wissenschaftlichen Standpunkt ist es tief zu bedauern, dass eine Universität sich solche Kräfte entgehen lässt. Wem die Zukunft der jungen Generation seines Landes und Volkes am Herzen liegt, der muss dafür sorgen, dass alle derartigen Kräfte nicht fallen gelassen, sondern auf einen Posten gestellt werden, wo sie hingehören. Medizin und Kirchengeschichte haben nichts mit Politik zu tun und die Vermengung von Wissenschaft und Politik hat bisher noch nie einem Lande zum Nutzen gereicht (Vasmer 1921: 4).

[С научной точки зрения достойно сожаления, что университет лишает себя таких научных сил. Тот, кому дорога будущность

молодого поколения своей страны и своего народа, должен заботиться о том, чтобы такие силы не утерять, но дать им занять то место, для которого они предназначены. Ни медицина, ни история церкви не имеют ничего общего с политикой; вмешательство политики в науку <и/или: политизация науки. – М. Б.> ни одной стране еще не была полезна.]

Мысли Фасмера звучат прямым продолжением той позиции, которую представлял в Дерптском (Юрьевском) университете в свою бытность там профессором Бодуэн. Достаточно привести слова из его речи на торжественном обеде по случаю столетия Императорского университета в 1902 году, единственной произнесенной тогда по-немецки:

Wie in dem Kopfe eines Einzelnen, so können auch in einem Lande mehrere Sprachen ruhig und freundlich neben einander bestehen und sich duldsam vertragen. Hier im Lande sind neben der Reichssprache, neben der Sprache des großen Russischen Reichs, neben der Sprache des großen russischen Volks, neben der Sprache der großen russischen Denker und Dichter noch drei andere Sprachen historisch und ethnographisch gleich berechtigt: die deutsche Sprache, nicht die deutsche Sprache der Verfolger und Unterdrücker, sondern die deutsche Sprache der Gelehrten und Künstler, und außerdem die estnische und lettische Sprache (цит. по: Mugdan 1984: 22–23).

[В стране, как и в голове отдельного человека, несколько языков могут мирно сосуществовать в терпеливом соседстве. В этой стране исторически и этнографически равные права с государственным языком (Reichssprache), с языком великой Российской империи, языком великого русского народа, языком великих русских мыслителей и поэтов, имеют три другие языка: немецкий – не немецкий язык преследователей и угнетателей, но немецкий язык ученых и деятелей искусства, – а также эстонский и латышский языки.]

Тем основам, которые нашли отчетливое выражение в статье 1921 г. о Дерптском университете, – принципу академической свободы, идеалу независимого университета, императиву научной

честности, – Фасмер не изменит и впоследствии. Они будут определять его решения и наиболее значимые выступления; имею в виду и ретроспективную оценку берлинской профессуры при национал-социализме (речь „*Die Haltung der Berliner Universität im Nationalsozialismus*“, 1948 г.; публикацию и комм. см.: Bott 2009), и обоснование причин своего ухода из университета им. Гумбольдтова (1948 г.), и речь на Рождество 1949 г. перед студентами Свободного университета (цитаты и пер. см.: Бобрик 2012: 121–122, 136).

*

В конце 1920 г. подошел к концу и срок работы в Дерпте. 13 декабря 1920 г. Фасмер сообщил декану факультета, что намерен принять приглашение Лейпцигского университета на должность ординарного профессора славянской филологии и, по-видимому, в начале марта 1921 г. будет вынужден выйти из состава преподавателей Дерптского университета (f. 21–21г, нем., маш.; ЕАА.2100.2б.98, f. 10–10r). Фасмер находит искренние слова похвалы и сожаления в адрес оставляемых им коллег и студентов („*Die ausgezeichneten kollegialen Beziehungen, die vielfache Anregung, die ich von meinen Kollegen erhalten habe und die Arbeitsfreudigkeit meiner Hörer machen mir den Abschied von der Dorpater Universität besonders schwer*“) и сообщает, что, заботясь о преемнике, уже написал в научные центры Германии и Финляндии.

Решением совета университета от 17 декабря 1920 г. прошение Фасмера об освобождении от профессорской должности было удовлетворено (f. 22, эст., маш.; ЕАА.2100.2б.98, f. 12); 29 января 1921 г. последовало утверждение этого решения министерством образования, и 8 февраля ректорат сообщил об увольнении Фасмера с 1 марта 1921 г. (ЕАА.2100.2б.98, f. 13).

В конце этого периода Фасмер, возглавлявший сводную библиотеку историко-филологического факультета²⁴, участвовал в экспе-

²⁴ В помеченном 19 декабря 1919 г. черновике благодарственного письма некоему коллеге, приславшему в университетскую библиотеку свои сочинения, Фасмер называет себя „*Leiter der Seminarbibliotheken der historisch-philologischen Fakultät*“ и подписывается „*Dr. Max Vasmer, ordentlicher Professor*“ (f. 17, нем., рук.).

диции по возвращению в Тарту перемещенных во время Первой мировой войны в разные места России университетских коллекций (научных, книжных, художественных). В отчете о своей деятельности за 1920 г. Фасмер сообщает, что в период 12 июля – 6 ноября он в качестве представителя университета входил в «комиссию по реэвакуации», созданную с целью возвращения незаконно вывезенного („verschleppt“) в Саратов Дерптского ветеринарного института (ЕАА.2100.2б.98, f. 9, ркп.). Одновременно Фасмер вызволил из Саратова свою личную библиотеку, о чем сообщал К. Нитшу в письме от 7 ноября 1920 г. (см.: Urbańczyk 1986: 388)²⁵. Об участии Фасмера (очевидно, в ходе той же экспедиции) в возвращении из Воронежа университетских книжных коллекций упоминает М. Вольтнер:

Als die Dorpater Universität auf Grund des estnisch-sowjetischen Staatsvertrages (2.2.1920) das Recht erhielt, ihre Anfang des Krieges nach Voronež verlagerte Bibliothek nach Dorpat zurückzuführen, wurde u. a. Vasmer mit dieser Mission betraut, die es ihm ermöglichte, auch seine eigene umfangreiche Privatbibliothek nach Dorpat zu überführen (Woltner 1963: 4).

[По государственному соглашению между Эстонией и Советской Россией от 2 февраля 1920 г. Дерптский университет получил право вернуть свою библиотеку, эвакуированную в начале войны в Воронеж. Фасмер был среди тех, кому была поручена эта миссия, что дало ему возможность перевезти в Дерпт <из Саратова. – М. Б.> и свою обширную частную библиотеку.]

*

По мере перемещения из одного научного центра в другой Фасмер не прерывал связей с коллегами и научными сообществами; он, как Арахна, создавал сеть, без которой не мыслил жизни исследователя,

²⁵ Книги Бодуэна и все его научные материалы остались в 1918 г. в Петрограде, судьба их была несчастна: лишь в 1926 г. и лишь часть Бодуэн получил назад в виде массы разрозненных бумаг и книг, своих вперемешку с чужими (см.: Mugdan 1984: 39).

и заботился о том, чтобы сеть эта не рвалась. С первых шагов в науке он устанавливал связи и поддерживал переписку с многими и многими коллегами. В отчете за 1920 г. он перечисляет ряд иностранных научных обществ, членом которых он в этом году являлся, – в Лейпциге, Галле, Гельсингфорсе, Париже, Дерпте, но и – вне своего неприятия большевистской власти и вне своего отъезда – в Петербурге²⁶ (Русское археологическое и Русское географическое общества) и в Саратове (Философско-историческое общество при Саратовском университете и Общество археологии, истории и этнографии; ЕАА.2100.2b.98, f. 9, нем., рук.). Во время экспедиции по реэвакуации он сделал в Саратове два доклада: 11 августа 1920 г. в языковедческой секции Философско-исторического общества «О некоторых фракийских и иллирийских топонимах» („Über einige thrakische und illyrische Ortsnamen“) и 3 октября – в Обществе археологии, истории и этнографии «О задачах топонимических исследований» („Über die Aufgaben sprachwissenschaftlicher Lokalforschung“; см.: Там же, f. 7).

В своих действиях и решениях Фасмер стремился следовать своему личному этосу, важнейшими опорами которого были идея академической свободы и идея свободы совести. Эти основы были у него общими с Бодуэном де Куртенэ и в немалой мере от него усвоенными:

Seinen Schülern musste er ein Vorbild sein als ein Bekenner, der von seinen Ansichten nicht lassen konnte und ihnen zu Liebe alle Mühsal des Lebens zu erdulden bereit war. Sein warmes Eintreten für die Schwachen dieser Welt und seine schroffe Ablehnung jeglicher Gewaltanwendung in der Politik, seine vorurteilsfreie Beurteilung von Rasse und Sprachfamilien machten ihn zu einem vorbildlichen Erzieher der studierenden Jugend nicht nur in wissenschaftlicher Hinsicht. Meine speziell sprachhistorischen Interessen ließen mich wissenschaftlich früh andere Wege gehen; um so dankbarer gedenke ich des Etos, das diese

²⁶ Фасмер называет город Петербургом (Petersburg) (как *Дерпт* (Dorpat) остается в его документах и текстах единственным обозначением университетского города).

Persönlichkeit ausstrahlte, und der wohlwollenden Förderung, die mir durch sie zuteil geworden ist und die mir den Weg zur akademischen Laufbahn erschloss (Vasmer 1947: 77).

[Ученикам он был неизменным образцом исповедничества²⁷, неотступности от своих взглядов и готовности ради этих взглядов претерпеть любые тяготы жизни. Его душевное заступничество за слабых мира сего и резкое неприятие всякого насилия в политике, его свободное от предрассудков суждение о расе и языковых семьях делали из него образцового воспитателя учащейся молодежи не только в научном отношении. Рано развившийся интерес к истории языка заставил меня пойти другими путями; тем с большей благодарностью я храню память об этическом свете его личности и о его благотворном влиянии, которое я испытал и которое открыло мне путь к академическому развитию²⁸.]

Называя Бодуэна «истинным европейцем» („echter Europäer“ – Vasmer 1947: 76), Фасмер называет, как кажется, качество, существенное и для него самого. Главный резон усилий по созданию сети научной коммуникации вне идеологий он видел в сохранении «европейского культурного сообщества». Некролог Бодуэну он завершит словами:

Die moderne Sprachforschung in den slavischen Ländern hat durch den Tod Bs einen ihrer universellsten Führer verloren. Um den Menschen B trauern nicht nur seine zahlreichen Schüler, denen er ein lieber Freund war, sondern auch alle diejenigen, die den Glauben an eine europäische Kulturgemeinschaft bewahrt haben trotz der Erfahrungen der letzten Zeit (Vasmer 1932: 340).

²⁷ Фасмер с момента прихода нацистов к власти принадлежал Церкви Исповедания (Bekennende Kirche) – той части протестантской церкви в Германии, которая начиная с 1934 г. открыто противопоставляла себя режиму (см.: Bott 2009: 55).

²⁸ Ср. слова С. К. Булича, который отмечал «благородную простоту и прямоту характера, человечность и участливость [Бодуэна] в личных отношениях к слушателям <...>, сильное нравственное и умственное влияние не только на его непосредственных учеников, но и на других ученых» (Венгеров 1897: 49).

[Современное языкознание в славянских странах потеряло со смертью Бодуэна одну из ведущих фигур редкостно универсального масштаба. О Бодуэне как человеке скорбят не только многочисленные его ученики, которым он был дорогим другом, но и все те, кто вопреки опыту последнего времени сохранил веру в европейское культурное сообщество.]

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо М. Фасмера публикуется в виде наборного текста, в переводе на русский и факсимиле; письмо Я. Бодуэна де Куртенэ – без факсимиле (см.: Кюльмоя 2024: 130–132). Электронные копии обоих документов доступны на сайте архива. Письма публикуются с сохранением особенностей орфографии и пунктуации, снабжены русским переводом и лишь самыми необходимыми примечаниями. Общепринятые и в настоящее время сокращения не комментируются.

|

Rahvusarhiiv, EAA.2100.2.1313, f. 28–29r, нем., рук.

Макс Фасмер – ректору немецкого Дерптского университета

f. 28r

<архивная помета:>

Eingegangen am 17-7-1918

Bearbeitet a. 18 7

An Seine Magnifizenz den Rektor
der Deutschen Universität Dorpat.

Gesuch.

Vor etwa 2 ½ Monaten sandte ich an den Dekan der philosophischen Fakultät der Deutschen Universität Dorpat mein Gesuch um Umhabilitierung nach Dorpat als Privatdozent für indogermanische Sprachwissenschaft. Dieses Gesuch möchte ich hiermit nochmals vorbringen, falls mein erstes Schreiben auf der Post verloren gegangen sein sollte.

Ausserdem möchte ich Ew.²⁹ Magnifizenz ersuchen, falls meine Umhabilitierung nach Dorpat nicht auf Schwierigkeiten stösst, für mich bei den örtlichen Militärbehörden einen Erlaubnisschein zum Aufenthalt im baltischen Occupationsgebiet zu erwirken, mit Hinweis auf mein im April d. J. an das Auswärtige Amt in Berlin abgesandtes Gesuch um Wiedererlangung der deutschen Reichsangehörigkeit.

Da ich Anfang September zur Niederlegung meiner Amtspflichten noch in Saratow sein muss, so dürfte es für mich, wegen des für russische Untertanen daselbst herrschenden Ausreiseverbotes, schwer sein von dort wieder fortzukommen, wenn ich bis dahin nicht wieder deutscher Reichsangehöriger geworden bin. Daher möchte ich Ew. Magnifizenz bitten beim Auswärtigen Amt um beschleunigte Lösung meiner Reichsangehörigkeitsfrage nachzusuchen. Den urkundlichen Nachweis meiner deutschen Abstammung habe ich am 28 Juni d. J. im Kaiserlich Deutschen Generalkonsulat in Petersburg zur weiteren Beförderung an das Auswärtige Amt eingereicht. –

Sollten diese Massnahmen für die deutsche Universität Dorpat schwer auszuführen sein, dann möchte ich die Universität ersuchen

f. 28v

für mich und meine Frau die einmalige Benutzung der von Petersburg und Saratow aus abgehenden reichsdeutschen Züge zu erwirken und mir einen entsprechenden Erlaubnisschein der Deutschen Regierung sowie eine offizielle Bescheinigung meiner Zulassung zur Privatdozentur zukommen zu lassen.

Wissenschaftlich sowohl wie politisch empfiehlt mich die beiliegende Empfehlung des ehemaligen Professors der Universität Dorpat aus deutscher Zeit Prof. Dr. J. Baudouin de Courtenay. Ausserdem wird mich Prof. Dr. Jos Mikkola in Helsingfors empfehlen können, der mich während des Krieges oft getroffen hat und, wie ich höre, augenblicklich einen hohen diplomatischen Posten in Finnland bekleidet.

²⁹ Eure.

Wegen der unsicheren Postverbindung mit Dorpat bitte ich dringend um eine Empfangsbestätigung meiner beiden Briefe (dieses und des vorgehenden). Die Lösung der daselbst berührten Fragen bis zum 15 August d. J. wäre mir durchaus erwünscht, da ich nach diesem Termin nach Saratow zurückkehren muss. Die Antwort bitte ich womöglich bis zum 15 August d. J. an das Kaiserlich Deutsche Generalkonsulat in Petersburg mit rekommandierter Zustellung an mich per Adresse: Petersburg, Bolschaja Dworjanskaja 22 W. 6 gelangen zu lassen.

Indem ich meine Angelegenheit in Ew. Magnifizenz' Hände lege, verbleibe ich hochachtungsvoll und ergebenst

Dr. Max Julius Friedrich Vasmer
Ordentlicher Professor f. vergleichende Sprachwissenschaft
an der Universität Saratow.

5 Juli 1918. Petersburg.

f. 29r

NB. Wie ich soeben erfahre, ist eine Antwort an mich am sichersten an das Auswärtige Amt in Berlin zur Weiterbeförderung an das Kaiserlich Deutsche Generalkonsulat in Petersburg für Prof. Dr. Max Vasmer Pburg, Bolschaja Dworjanskaja 22 zu adressieren.

Перевод:

л. 28

Его Высокопревосходительству ректору немецкого Дерптского университета³⁰

Прошение

Около двух с половиной месяцев назад я послал декану философского факультета немецкого Дерптского университета прошение

³⁰ См. примеч. 10.

о переводе меня приват-доцентом по индогерманскому языко-
знанию. Настоящим письмом я хотел бы повторить прошение
на случай, если первое мое письмо затерялось при пересылке.

Кроме того, я хотел бы просить Ваше Высокопревосходительство, в случае если мой перевод в Дерпт не встретит затруднений, испросить для меня у местных военных властей документ, дающий право на пребывание в балтийской зоне оккупации. Указываю при этом, что в апреле с. г. я направил в Министерство иностранных дел в Берлине прошение о возвращении мне гражданства Германской империи.

Так как в начале сентября я еще должен быть в Саратове для сложения обязанностей по должности, мне, по всей вероятности, в силу действующего запрета на выезд подданных России из страны, будет трудно вновь оттуда выехать, если к тому времени я не получу немецкого подданства. Поэтому я хотел бы просить Вас, Ваше Высокопревосходительство, ходатайствовать в Министерстве иностранных дел об ускоренном решении моего дела о гражданстве. Свидетельство о своем немецком происхождении я подал 28 июня с. г. в Генеральное консульство Германской империи в Петербурге для дальнейшей переправки в Министерство иностранных дел. –

Если же эти меры окажутся для немецкого Дерптского университета трудноисполнимыми, то я хотел бы просить университет

л. 28 об.

предоставить мне и моей жене однократную возможность проезда на одном из отходящих из Петербурга и Саратова немецких поездов и, кроме того, прислать соответствующее разрешение Германского правительства и подтверждение того, что я допущен к должности приват-доцента.

Характеристику меня как с научной, так и с политической стороны содержит прилагаемая рекомендация бывшего профессора Дерптского университета немецкого периода проф. д-ра Я. Бодуэна

де Куртенэ³¹. Кроме того, рекомендацию мне может дать проф. д-р Йос Миккола (Гельсингфорс), который во время войны не раз со мною встречался и который, насколько знаю, в настоящее время занимает в Финляндии высокий дипломатический пост³².

По причине ненадежности почтового сообщения с Дерптом настоятельно прошу Вас подтвердить получение обоих моих писем (этого и предыдущего). Решение затронутых в них вопросов до 15 августа с. г. было бы мне чрезвычайно желательно, так как после этой даты я должен буду вернуться в Саратов. Ответ прошу направить по возможности до 15 августа с. г. в Генеральное консульство Германской империи в Петербурге заказным письмом для переправки мне на адрес: Петербург, Большая Дворянская 22, кв. 6³³.

Сим вручаю Вам, Ваше Высокопревосходительство, свое дело и остаюсь глубоко уважающий Вас и преданный Вам

д-р Макс Юлиус Фридрих Фасмер
ординарный профессор сравнительного языкознания
в Саратовском университете

5 июля 1918. Петербург

³¹ В 1883–1893 гг. Бодуэн де Куртенэ был экстраординарным профессором славянской филологии в Дерптском университете; до 1893 г. преподавание в университете велось на немецком языке.

³² Йоосеппи (Йос) Юлиус Миккола (Jooseppi Julius Mikkola; 1866–1946) – специалист по сравнительному языкознанию и славистике, профессор славистики в университете Гельсингфорса (Хельсинки) в 1900–1934 гг. В 1918 г. Миккола был представителем сената независимой Финской республики при штабе Балтийской дивизии (Ostsee-Division) Р. фон дер Гольца (см.: Зимняя война 2010: 49, примеч. 143); в 1918–1927 гг. возглавлял Комиссию по военному языку и участвовал в создании словаря финского военного языка (см.: <https://375humanistia.helsinki.fi/en/jooseppi-mikkola/a-fennoman-and-an-inspiring-slavist>).

³³ В опубликованных биографических сведениях о Фасмере адрес Большая Дворянская, 22, кв. 6 на Петроградской стороне до сих пор не упоминался; в статье Википедии (рус.) о доме среди известных его жильцов Фасмер не назван. В 1918 г. (в июле которого Фасмер пишет свое прощение) революционные власти присвоили Большой Дворянской название Первая улица деревенской бедноты. Дом 22, доходный дом Георга Шульце, построен в 1901–1902 гг. по проекту Карла Шмидта; в настоящее время в частном владении, входит в реестр объектов культурного наследия федерального значения; в 2015 г. владелец провел переделку («реконструкцию») фасада дома.

л. 29

NB. Как я только что узнал, ответное письмо наиболее надежно было бы направить в Министерство иностранных дел для переправки в Генеральное консульство Германской империи в руки проф. д-ра Макса Фасмера, Пбург, Большая Дворянская 22.

2

Rahvusarhiiv, EAA.2100.2.1313, f. 26–27r, нем., рукп.

Ян Бодуэн де Куртенэ – ректору немецкого Дерптского университета

f. 26r

An Seine Magnificenz³⁴ den Herrn Rektor
der deutschen Universität in Dorpat.

Herr Dr. Max Vasmer, der bisherige ordentliche Professor der vergleichenden Sprachwissenschaft in Saratow, früher als Privat-Dozent an der Petersburger Universität tätig, möchte an der Dorpater Universität angestellt sein. Mit einem diesbezüglichen Gesuche hat er sich vor mehreren Wochen an den Professor Dr. Leonhard Masing gewandt, bis-jetzt aber keine Antwort erhalten, wahrscheinlich infolge des gegenwärtig vollständig paralysierten Postverkehrs.

Herr Vasmer ist als hervorragender Sprachforscher und Philolog in allen europäischen Ländern rühmlich bekannt und hat eine große Anzahl scharfsinniger und origineller Arbeiten in der deutschen und russischen Sprache veröffentlicht. Er würde also keine besondere Empfehlung meinerseits brauchen, in den gegenwärtigen Ausnahmeverhältnissen aber ist wohl eine solche Empfehlung nicht überflüssig.

³⁴ Magnificenz, ср. написание в конце письма.

f. 26v

Außer seiner literarischen Tätigkeit hat sich Herr Vasmer bis jetzt als sehr lebhafter und nützlicher Dozent ausgezeichnet, seine Zuhörer zum wissenschaftlichen Denken angeregt und zählt schon einige tüchtige Schüler.

Herr Vasmer ist Deutscher von Geburt und nur zufällig in Petersburg geboren. Was seine politische Stellung betrifft so ist er vor allem Chauvinismus frei und über allen politischen Hader erhaben. Seine frei ausgesprochenen Ansichten haben ihm in Rußland viele Unannehmlichkeiten verursacht, und er möchte deswegen in einer deutschen wissenschaftlichen Umgebung arbeiten, um desto mehr, da man in Rußland auf ein gesundes wissenschaftliches Leben in der nächsten Zukunft kaum hoffen kann.

Herr Vasmer ist allen Fachmännern in Deutschland in Oesterreich und in den übrigen Ländern genügend bekannt. Unter anderem kann ich Professor Bezzemberger in Königsberg, Prof. Berneker in München, Prof. Rozwadowski in Krakau nennen. Herr Professor L. Masing ist auch, so viel ich weiß, hoher Meinung über die wissenschaftlichen Verdienste des Prof. Vasmer.

Indem ich die Sache des Herrn Vasmer in die

f. 27r

Hände Eu. Magnifizenz lege, verbleibe ich hochachtungsvoll ergebender
 J. Baudouin de Courtenay,
 bis jetzt Professor in Petersburg,
 neuerdings zum Professor der Universität
 in Warschau gewählt.

Petersburg (Petrograd), d. 5 Juli 1918.

Meine Adresse (noch einige Wochen):

Petersburg. W. O. Kadetskaja Linie, № 9, W. 14.
 (В. О. Кадетская л., 9, кв. 14).

Перевод:

л. 26

Его Высокопревосходительству г-ну Ректору
Дерптского немецкого университета

Господин д-р Макс Фасмер, в настоящее время ординарный профессор сравнительного языкознания в Саратове, прежде приват-доцент Петербургского университета, хотел бы получить место в Дерптском университете. Несколько недель назад он обратился с соответствующим прошением к профессору д-ру Леонарду Мазингу³⁵, но ответа до сих пор не получил, по всей вероятности, по причине нынешней полной остановки почтового сообщения.

Господин Фасмер, во всех странах Европы широко известный как выдающийся языковед и филолог, опубликовал большое число новаторских, оригинальных работ на немецком и русском языках. Рекомендация с моей стороны была бы совершенно излишней, если бы не исключительные нынешние обстоятельства, при которых такая рекомендация оказывается не лишней.

л. 26 об.

Кроме своей научной деятельности, господин Фасмер выказал себя ярким и компетентным преподавателем, который побуждает своих слушателей к научной мысли и уже имеет немало достойных учеников.

Господин Фасмер немец по происхождению и лишь по случайности родился в Петербурге. Что касается его политических взглядов, то он прежде всего свободен от шовинизма и выше всякой политической склоки. В России открытое высказывание своих взглядов доставило ему немало неприятностей, поэтому он хотел бы работать в немецкой научной среде, тем более что в ближайшем

³⁵ Ср. ниже в письме тж. транскрипцию *Майзинг*; см. о нем примеч. 21.

будущем надеяться на здоровую научную жизнь в России едва ли приходится.

Господин Фасмер достаточно известен специалистам в Германии, Австрии и других странах. Могу назвать, в частности, профессора Бецценбергера в Кёнигсберге, проф. Бернекера в Мюнхене, проф. Розвадовского в Кракове³⁶. Господин профессор Л. Майзинг, насколько знаю, также высокого мнения о научных заслугах проф. Фасмера.

Вручая Вам, Ваше Высокопревосходительство, судьбу господина Фасмера,

л. 27

остаюсь с глубоким уважением преданный Вам

Я. Бодуэн де Куртенэ,
в настоящее время профессор
Петербургского университета,
недавно избранный профессором
Варшавского университета.

Петербург (Петроград), июля 5-го дня 1918.

Мой адрес (в течение ближайших нескольких недель):

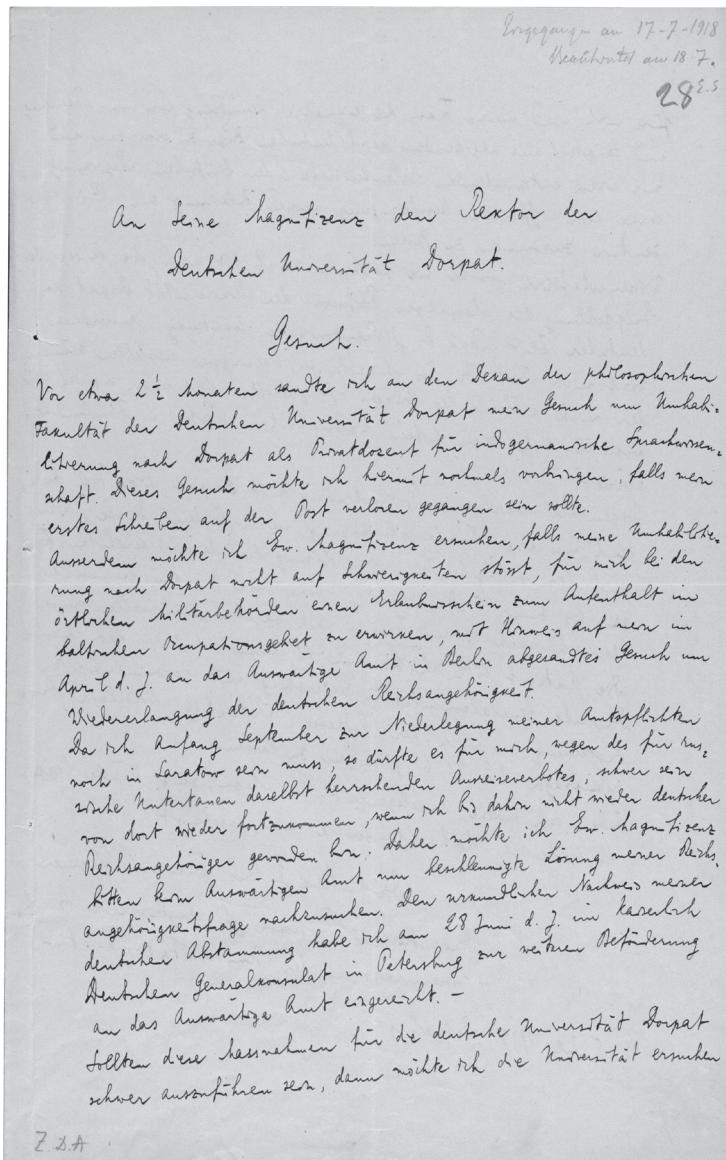
Петербург. В. О. Кадетская линия, № 9, кв. 14
(В. О. Кадетская л., 9, кв. 14)³⁷.

³⁶ Бодуэн называет выдающихся лингвистов в области индоевропеистики и славистики: А. Бецценбергера (Adalbert Bezzenger; 1851–1922), Э. Бернекера (см. о нем примеч. 4), Я. Розвадовского (см. примеч. 20).

³⁷ Дом купца Ф. Клеменца, угловой по Тучкову и Кубанскому переулкам, построен в 1842–1843 гг., перестраивался в 1873 и 1900 гг.; в настоящее время имеет статус «объекта культурного наследия регионального значения» (<https://moika78.ru/news/2023-06-02/880208-kgiop-vklyuchil-dom-kuptsa-klementsa-v-reestr-pamyatnikov/>). Рядом, в Тучкове переулке, была квартира родителей Фасмера (см.: Валиев 2013: 284), отсюда Макс и его младший брат Рихард ходили в гимназию Мая.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Письмо М. Фасмера. Источник: Rahvusarhiiv, EAA.2100.2.1313, f. 28r-29r.



28

für mich und meine Frau die vorstehende Benützung der von Petersburg und Saratow aus abgehenden verhindernden Briefe zu erwirken und mir einen entsprechenden Blankumschlag der Deutschen Legation sowie eine offizielle Anhebung unserer Befreiung aus Privats-

zentur einzumessen zu lassen.

Wissenschaftlich sowohl wie politisch empfiehlt sich die beigefügte Ausstellung des ehemaligen Professors der Universität Dorpat aus deutscher Zeit Prof. Dr. J. Dantzen de Courtney. Ausserdem wird sich Prof. Dr. Jos. Korda in Helsingfors empfehlen können, der nach während des Krieges oft getroffen hat und, wie ich hörte, angewandt einen hohen diplomatischen Posten in Finnland bekleidet.

Wege der unsererlichen Postverbindung mit Dorpat LHe ich bin, gleich nur eine Empfangsbestätigung meines beiden Briefe (diesen und des vorliegenden). Die Lösung der derselbigen kann, sofern bis zum 15 August d. J. wäre nur durchaus erwartet, da ich nach diesem ^{wie möglich} Tag zum 15 August d. J. an das kaiserl. Deutsche Generalkonsulat in Petersburg mit rekonvalescenzärztlicher Zustellung an mich per Adresse: Petersburg, Bolshaja Pros-

pektivaya 22 N. 6 gelangen zu lassen.

Zudem ich meine Angelegenheit Finno. Regierung's Hande legt,

verbleibe ich hochachtungsvoll und ergebenst

Dr. med. Julius Friedrich Verner
Oberärztlicher Professor für vergleichende Physi-
kognosieheit an der Universität Saratow.

5 Jul. 1918. Petersburg.

Илл. 2.

f. 28v

29

N.B. Wie ich zuletzt erfahre, ist eine Antwort an noch am Schreibtisch
an das kaiserliche Amt in Berlin zur Weiterförderung an
das kaiserliche Deutsche Generalkonsulat in Petersburg bei Prof.
Dr. med. Verner Kling, Bolshaja Prosp. 22 zu
adressieren.

Илл. 3.

f. 29r

БИБЛИОГРАФИЯ

- Благово Н. 2006. Фасмер (Vasmer) Максим Романович (Макс Юлий Фридрих). – Немцы России: Энциклопедия. Т. 3. М.: ЭРН. С. 630–631.
- Бобрик М. А. 2012. «Шведский псалом» и его биографический контекст: Из архива М. Фасмера. – Slovène. Vol. 1. С. 100–144.
- Валиев М. Т. 2013. Макс и Рихард Фасмеры – время и судьбы. – Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 7. СПб.: Кунсткамера. С. 281–293.
- Венгеров С. А. 1897. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Т. V. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича.
- Зимняя война 2010. Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД / Авторы-составители С. К. Бернев, А. И. Рупасов. СПб.: Информационно-издательское агентство «Лик».
- История ТУ 1982. История Тартуского университета: 1632–1982 / Под ред. К. Сийливаска. Таллин^{<н>}: Периодика.
- Кюльмоя И. 2024. Письмо И. А. Бодуэна де Куртене ректору Тартуского университета. – Acta Slavica Estonica. [Вып.] XVIII. Slavica Tartuensis. [Вып. XIII]: Тарту в истории славянской филологии. Вып. 2: Иван Александрович Бодуэн де Куртене (1845–1929). Тарту: [Tartu Ülikooli Kirjastus]. С. 125–132.
- Amburger, E. [s. d.]. Datenbank „Ausländer im Russländischen Reich“. – <https://amburger.ios-regensburg.de/?id=53123>
- Amburger, E. 1986. Zum „Petersburger Deutsch“. – Zeitschrift für Slavische Philologie. Bd. 46. S. 16–18.
- Bott, M.-L. 1999. Ein Forschungsinstitut für Slavistik in Berlin? Max Vasmers Denkschrift 1928. – Jahrbuch für Universitätsgeschichte. Bd. 2. S. 151–180.
- Bott, M.-L. 2009. Die Haltung der Berliner Universität im Nationalsozialismus: Max Vasmers Rückschau 1948. Berlin: Der Präsident der Humboldt-Universität zu Berlin. (Neues aus der Geschichte der Humboldt-Universität zu Berlin. Bd. 1).
- Donnert, E. 2007. Die Universität Dorpat-Jur'ev 1802–1918. Ein Beitrag zur Geschichte des Hochschulwesens in den Ostseeprovinzen des Russischen Reiches. Frankfurt am Main u. a.: Peter Lang, Internationaler Verlag der Wissenschaften.

- Goeze, D. M., Wörster, P. 2008. Universität Dorpat – das „deutsche Semester“ 1918. – <https://www.herder-institut.de/blog/2008/10/15/universitaet-dorpat-das-deutsche-semester-1918>
- Järvelaid, P. 2018. Die Geschichte der deutschen Rechtswissenschaft im 20. Jahrhundert und das Baltikum. Die Landesuniversität Dorpat 1918. – Rechtskultur. Nr. 4. S. 79–87.
- Karttunen, K. 1995. Linguarum profession in the Academia Gustaviana in Tartu (Dorpat) and the Academia Gustavo-Carolina in Pärnu (Pernau). – Nordisk judaistik / Scandinavian Jewish Studies. Vol. 16. No. 1–2. P. 65–74.
- Kiparsky, V. 1963. [Gedenkrede]. – Akademische Gedenkfeier der Freien Universität Berlin für Max Vasmer am 6. Februar 1963 im Osteuropa-Institut an der Freien Universität Berlin / Es sprachen H.-J. Lieber, V. Kiparsky, F. Siegmann. Berlin: Osteuropa-Institut an der Freien Universität. S. 9–22.
- Mugdan, J. 1984. Jan Baudouin de Courtenay (1845–1929): Leben und Werk. München: Fink.
- Selart, A., Laur, M. 2023. Dorpat/Tartu: Geschichte einer Europäischen Kulturhauptstadt. Wien: Böhlau.
- Solomonov, V. A. 2015–2017. Vasmer, Max Julius Friedrich Richard (Maxim Romanowitsch). – Enzyklopädie der Russlanddeutschen. <https://enc.rusdeutsch.eu/articles/3818>
- Urbańczyk, S. 1986. Max Vasmers Korrespondenz mit Krakauer Slavisten. – Zeitschrift für Slavische Philologie. Bd. 46. S. 384–398.
- Vasmer, M. 1921. Universität Dorpat unter estnischer Verwaltung. – Die Brücke. Nr. 35. [S. 4].
- Vasmer, M. 1932. Jan Baudouin de Courtenay. – Indogermanisches Jahrbuch. Bd. 16. S. 338–340.
- Vasmer, M. 1947. J. Baudouin de Courtenay: Zur 100. Wiederkehr seines Geburtstages. – Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft. Bd. 1. S. 71–77.
- Vorlesungsverzeichnis 1918. Vorlesungsverzeichnis der Universität Dorpat für das Herbstsemester 1918. Dorpat: [s. n.].
- Warditz, V. 2020–2021. Migration, Wissenstransfer und Slawistik: Der Fall Max Vasmer (Forschungsprojekt, gefördert von Gerda Henkel Stiftung, 2020–2021). – https://lisa.gerda-henkel-stiftung.de/migration_wissenstransfer_and_slawistik_der_fall_max_vasmer?nav_id=9604
- Woltner, M. 1963. Max Vasmer †. – Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. 31. Heft 1. S. 1–21.

REFERENCES

- Amburger, E. *Datenbank „Ausländer im Russländischen Reich“*. <https://amburger.ios-regensburg.de/?id=53123>
- . “Zum ‘Petersburger Deutsch.’” *Zeitschrift für Slavische Philologie* 46 (1986): 16–18.
- Blagovo, N. “Fasmer (Vasmer) Maksim Romanovich (Maks Iulii Fridrikh).” In *Nemtsy Rossii: Entsiklopediia*. Vol. 3, 630–31. Moscow: ERN, 2006.
- Bobrik, M. A. “‘Shvedskii psalom’ i ego biograficheskii kontekst: Iz arkhiva M. Fasmera.” *Slověne* 1 (2012): 100–44.
- Bott, M.-L. “Ein Forschungsinstitut für Slavistik in Berlin? Max Vasmers Denkschrift 1928.” *Jahrbuch für Universitätsgeschichte* 2 (1999): 151–80.
- . *Die Haltung der Berliner Universität im Nationalsozialismus: Max Vasmers Rückschau 1948*. Neues aus der Geschichte der Humboldt-Universität zu Berlin, vol. 1. Berlin: Der Präsident der Humboldt-Universität zu Berlin, 2009.
- Donnert, E. *Die Universität Dorpat-Jur'ev 1802–1918. Ein Beitrag zur Geschichte des Hochschulwesens in den Ostseeprovinzen des Russischen Reiches*. Frankfurt, etc.: Peter Lang, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2007.
- Goeze, D. M. and P. Wörster (blog). “Universität Dorpat – das ‘deutsche Semester’ 1918.” <https://www.herder-institut.de/blog/2008/10/15/universitaet-dorpat-das-deutsche-semester-1918>
- Istoriia Tartuskogo universiteta: 1632–1982*. Edited by K. Siilivask. Tallinn: Perioodika, 1982.
- Järvelaid, P. “Die Geschichte der deutschen Rechtswissenschaft im 20. Jahrhundert und das Baltikum. Die Landesuniversität Dorpat 1918.” *Rechtskultur* 4 (2018): 79–87.
- Karttunen, K. “Linguarum profession in the Academia Gustaviana in Tartu (Dorpat) and the Academia Gustavo-Carolina in Pärnu (Pernau).” *Nordisk judäistik / Scandinavian Jewish Studies* 16, no. 1–2 (1995): 65–74.
- Kiparsky, V. “[Gedenkrede].” In *Akademische Gedenkfeier der Freien Universität Berlin für Max Vasmer am 6. Februar 1963 im Osteuropa-Institut an der Freien Universität Berlin*, 9–22. Berlin: Osteuropa-Institut an der Freien Universität, 1963.
- Külmoja, I. “Pis'mo I. A. Baudouin'a de Courtenay rektoru Tartuskogo universiteta.” In *Acta Slavica Estonica*. Vol. 18. Slavica Tartuensis, vol. 13, *Tartu v istorii slavianskoi filologii*. Pt. 2, *Ivan Aleksandrovich Baudouin de Courtenay (1845–1929)*, 125–32. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 2024.

- Mugdan, J. *Jan Baudouin de Courtenay (1845–1929): Leben und Werk.* Munich: Fink, 1984.
- Selart, A. and M. Laur. *Dorpat/Tartu: Geschichte einer Europäischen Kulturhauptstadt.* Wien: Böhlau, 2023.
- Solomonov, V. A. “Vasmer, Max Julius Friedrich Richard (Maxim Romanowitsch).” *Enzyklopädie der Russlanddeutschen.* <https://enc.rusdeutsch.eu/articles/3818>
- Urbańczyk, S. “Max Vasmers Korrespondenz mit Krakauer Slavisten.” *Zeitschrift für Slavische Philologie* 46 (1986): 384–98.
- Valiev, M. T. “Max i Richard Vasmer’y – vremia i sud’by.” In *Nemtsy v Sankt-Peterburge: Biograficheskii aspekt. 18–20 vv.* Vol. 7, 281–93. Saint Petersburg: Kunstkamera, 2013.
- Vasmer, M. “Universität Dorpat unter estnischer Verwaltung.” *Die Brücke* 35 (1921): 4.
- . “Jan Baudouin de Courtenay.” *Indogermanisches Jahrbuch* 16 (1932): 338–40.
- . “J. Baudouin de Courtenay: Zur 100. Wiederkehr seines Geburtstages.” *Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft* 1 (1947): 71–77.
- Vengerov, S. A. *Kritiko-biograficheskii slovar’ russkikh pisatelei i uchenykh (ot nachala russkoi obrazovnosti do nashikh dnei).* Vol. 5. Saint Petersburg: Tipografia M. M. Stasilevicha, 1897.
- Vorlesungsverzeichnis der Universität Dorpat für das Herbstsemester 1918.* Dorpat: n. p., 1918.
- Warditz, V. “Migration, Wissenstransfer und Slawistik: Der Fall Max Vasmer.” *Forschungsprojekt, gefördert von Gerda Henkel Stiftung, 2020–2021.* https://lisa.gerda-henkel-stiftung.de/migration_wissenstransfer_und_slawistik_der_fall_max_vasmer?nav_id=9604
- Woltner, M. “Max Vasmer †.” *Zeitschrift für slavische Philologie* 31, no. 1 (1963): 1–21.
- Zimniaia voina 1939–1940 gg. v dokumentakh NKVD.* Edited by S. K. Bernev, and A. I. Rupasov. Saint Petersburg: Informatsionno-izdatel’skoe agentstvo “Lik,” 2010.